

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЛАКУНАРНОСТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Юань Линьлин

Аспирант,

Российский государственный
педагогический университет

LEXICAL LAKUNARITY AS A REFLECTION OF THE NATIONAL CULTURAL SPECIFICITY OF THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Yuan Linlin

Annotation

The article substantiates the possibility of studying the Russian language as a foreign language on the basis of mastering the linguistic picture of the world reflected in the Russian equivalent-free vocabulary. A pilot study was conducted in which Russian speakers shared their associative responses to the inter-language Chinese-Russian lacunae. The similarity of associative reactions indicates the unity of the semantic content of the proposed lexemes among the native speakers of the Russian language, which gives grounds to speak of the connection between the equivalent vocabulary and the language picture of the world.

Keywords: lexical lacunarity, equivalent vocabulary, language picture of the world, Russian as a foreign language, national and cultural specificity of language.

Аннотация

В статье обосновывается возможность изучение русского языка как иностранного на базе освоение языковой картины мира отраженной в русской безэквивалентной лексике. Проведено пилотное исследование, в рамках которого носители русского языка делились своими ассоциативными реакциями на межязыковые китайско-русские лакуны. Схожесть ассоциативных реакций указывает на единство семантического содержания предложенных лексем у носителей русского языка, что дает основания говорить и о связи безэквивалентной лексики и языковой картины мира.

Ключевые слова:

Лексическая лакунарность, безэквивалентная лексика, языковая картина мира, русский язык как иностранный, национально-культурная специфика языка.

Как известно, для того, чтобы выучить русский язык, иностранные студенты должны очень близко познакомиться с русской культурой. Изучение чужой культуры – это открытие мира заново, иностранец должен перестроить или дополнить свою картину мира, он должен усвоить не только артикуляцию слова, но и весь тот опыт, который хранится в слове. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров пишут, что "слово, таким образом, выступает аккумулятором, хранителем человеческого опыта – как индивидуального, так и общего (последнего в несравненно большей степени, потому что усвоение языка проходит только в обществе). Таким образом, мы еще раз убеждаемся в том, что слово (его лексическое понятие) – продукт познавательной (в частности, классифицирующей) деятельности человека" [1, с. 18]. Как же можно помочь иностранному студенту в усвоении этого огромного опыта?

Для начала определим, что же такое картина мира. Ю.Л. Вороников, подводя философские основания под понятия "картина мира" и "языковая картина мира", приводит слова М. Хайдеггера, который пишет: "Картина мира, сущностно понятая, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой

картины" и далее "где мир становится картиной, там к сущему в целом приступают как к тому, на что человек нацелен и что он поэтому соответственно хочет преподнести себе, иметь перед собой и тем самым в решительном смысле представить перед собой" [2, с. 89]. Ю.Л. Вороников уточняет, что это обобщенное представление о мире и обо всем, что ему присуще, предстает как система, как моделирование мира (в семиотическом понимании этого слова).

Е.С. Кубрякова, определяя понятие "картина мира", тоже приходит к идее системы. Она определяет картину мира как сумму значений и представлений о мире, которые упорядочены в голове человека по самым разным основаниям и объединены в интегральную концептуальную систему [3]. Эта система знаний о мире помогает человеку ориентироваться в нем и накапливать новые знания. Языковая же картина мира, по Е.С. Кубряковой, – важная составная часть концептуальной модели мира. Продолжая мысль Кубряковой, Н.Н. Гончарова определяет языковую картину мира как ментально-лингвальное образование, репрезентирующее средствами языка информацию об окружающей действительности, которая запечат-

лена в индивидуальном или коллективном сознании [4].

Многие исследователи разводят концептуальную и языковую картину мира, предпочитая изучать их по отдельности (Б.А. Серебренников, Ю.Н. Караулов, В.И. Поставалова, Г.В. Колшанский), но мы в след за В.Н. Телия, В.В. Морковкиным, Е.С. Кубряковой, Н.Н. Гончаровой считаем, что при наличии существенных различий эти картины мира должны изучаться в единстве. Это оправдано тем, что концептуальную картину мира можно исследовать только посредством языка, более того, общими единицами построения как концептуальной, так и языковой картины мира являются концепты.

Еще одним доводом в пользу совместного изучения концептуальной и языковой картины мира служит подход Н.Ф. Алефиренко к вопросу соотношения сознания и языка, при котором язык видится как объективированное сознание, а не как его внешний атрибут. Языковое сознание, таким образом, является объективацией сознания как такового.

Однако надо заметить, что язык не может охватить всего сознания. Как пишет Н.Ф. Алефиренко, в процессе номинирования объекта культурного смысла словом (или фраземой) происходит его структурирование и конкретизация, в результате чего и возникает значения слова (или фраземы), однако это значение схватывает только одну из сторон культурного смысла, а потому перевод культурных смыслов с одного языка на другой – трудная задача. Для лингвокультурологии изучение смыслов важно, так как "за ними стоит отражение целой совокупности экстралингвистических факторов, связанных с обозначаемой денотативной ситуацией" [5, с. 81].

Как далее отмечает Н.Ф. Алефиренко, "генератором и носителем как логической "универсальной", так и идиоэтнической информации является язык, точнее, языковая семантика" [5, с. 84]. Продолжая тему способов изучения и описания ЯКМ с позиции когнитивной лингвокультурологии, Н.Ф. Алефиренко говорит о языковом значении, едином для всего этнокультурного сообщества, как о ядре (инварианте) "образа мира". Он пишет: "В основе семантического пространства родного языка, которым человек овладевает с раннего детства, лежит целостный образ этнокультуры. Состоит он из двух взаимосвязанных слоев: бытийного, включающего чувственные образы и обыденную предметную деятельность, осуществляющуюся, как правило, бессознательно, и рефлексивного, сознательного, поскольку он включает значение и смысл языковых знаков, именующих познаваемые предметы и явления культуры" [5, с. 89].

Естественно, что все многообразие мира нельзя охватить в одном тексте, поэтому можно говорить о том, что ЯКМ отражает многообразие мира в его целостности,

"указывая на составляющие картины, их состояние, положение, т.е. связи по отношению друг к другу" [5, с. 90].

Одним из доказательств этнической специфики языка являются безэквивалентные лексемы, не имеющие аналогов в других языках и вызывающие затруднения при попытке их перевода с одного языка на другой. Межязыковые лакуны, таким образом, вызывают затруднения и у изучающих язык, так как их понимание требует знания экстралингвистических факторов с ними связанных. Отсюда возникает гипотеза о возможной связи безэквивалентной лексики русского языка и русской же картиной мира, опираясь на которую изучение русского (в данном случае) языка будет более эффективным за счет охвата не только лингвистической, но и экстралингвистической реальности русского языка.

Для того, чтобы понять, есть ли связь между русской безэквивалентной лексикой и русской языковой картиной мира, мы провели пилотное исследование, в котором попросили у 12 русскоязычных респондентов дать ассоциативные реакции на безэквивалентные единицы русского языка (не имеющих соответствий в китайской картине мира), сделав акцент на том, что опрошенные являются представителями русской культуры. Возраст респондентов был в среднем 25–28 лет. Опросник допускал повторение одних и тех же ассоциативных реакций на несколько предложенных слов, а также несколько реакций на одно слово.

В нашем опросе предложенными для определения ассоциаций безэквивалентными единицами русского языка были: глухомань, глубинка, гнездовье, ловчий, проталина, таежник, пуща, топь, зимовье, егерь, угодье, добыча. Все эти слова были выбраны из словаря лакун "Межкультурная коммуникация: Россия – Китай" Г.В. Быковой, Н.Л. Глазачевой и Лу Чуньюэ [6]. Слова выбирались по приблизительно общей тематике, так как ЯКМ может подразделяться и на тематические сегменты.

Как показывает анализ, наиболее часто повторяющимися среди всех предложенных респондентами ассоциаций являются слова лес и охота. Т.е. все предложенные единицы безэквивалентной лексики русского языка встраиваются в общую картину представления о лесе и о таком лесном промысле, как охота. Для того чтобы подтвердить наличие связи между безэквивалентной лексикой и ЯКМ обратимся к большому лингвострановедческому словарю "Россия" [7]. В статье "Лес" встречаются такие строки: "Густой хвойный или смешанный лес на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке называется тайга. Лес – национальное богатство России. С давних пор лес кормил, одевал, обогревал русского человека, спасал от врагов. <...> Русский лес богат пушным зверем, поэтому одним из традиционных промыслов в России всегда была охота" [7].

Таблица 1.

Повторяющиеся у опрошенных респондентов ассоциативные реакции на русские безэквивалентные единицы.

Русские безэквивалентные единицы	Глухомань	Глубинка	Гнездовье	Ловчий	Проталина	Таежник
Повторяющиеся ассоциативные реакции	Деревня Глушь Лес Далеко	Далеко Деревня Маленькая деревушка Лес Тайга Дно (дыра)	Ласточки Птицы Лес Дома птиц Уют Родовое гнездо (жилище)	Охотник Лес Добыча Ловец птиц Проворный	Весна Подснежники Снег Место, где растаял снег	Медведь Лес Лесничий Тайга Мужичок, живущий в тайге и промысляющий охотой
Русские безэквивалентные единицы	Пуща	Топь	Зимовье	Егерь	Угодье	Добыча
Повторяющиеся ассоциативные реакции	Лес Густой лес Глубокий лес (глубоко в лесу) Лес с густорастущими деревьями (со сплетенными ветвями деревьями)	Болото Зыбкое место (где не только хлюпает, но и целиком затягивает навсегда)	Место, где зимуют (птицы, животные и люди) Дом где-то в лесу (избушка в глубине леса) Охотники Ночлег Медведи	Лесник Лесничий Охрана Защитник Охотник Помогает животным	Территория Кусок леса для охоты Лес Владение (хозяйство, ферма, имение, усадьба, фазенда)	Дичь Нечто добытое на охоте Все что можно добыть (сам поймал/убил животное/птицу) Мясо (туша)

Как мы видим, лес и охота занимают важное место в жизни и культуре русского народа. Многие художественные произведения описывают лес и русскую природу в целом, тем самым, отводя этим явлениям важное место в русской языковой картине мира. Можно вспомнить произведения И.С. Тургенева, И.А. Бунина, М.М. Пришвина, К.Г. Паустовского, А.И. Куприна и др., в которых воспевалась красота русской природы. В знакомстве с произведениями этих авторов формируется представление о русской природе, закладывается языковая картина мира.

Таким образом, можно предположить, что с помощью выделения ассоциативных связей русской безэквивалентной лексики (собираемых в словари лакун) можно

выделить концепты, изучение и погружение в которые позволит иностранным студентам не только освоить русскую безэквивалентную лексику, но и понять языковую картину мира русского языка.

По результату проведенного пилотного исследования можно говорить о том, что лексическая лакунарность может отражать особенности национальной языковой картины мира, так как у носителей русского языка предложенные им безэквивалентные единицы вызвали схожие ассоциативные реакции. Схожесть ассоциативных реакций указывает на схожесть в семантическом содержании предложенных лексем, что и приводит к выводу о единой ЯКМ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
2. Воротников Ю.Л. "Языковая картина мира": трактовка понятия // Знание. Понимание. Умение. 2006. №2. С. 88–90.
3. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебрянников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова и др. М., 1988. С. 141–172.
4. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. №2. С. 396–405.
5. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка [Электронный ресурс]: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2016. 288 с.
6. Быкова Г.В. Межкультурная коммуникация: Россия – Китай (словарь лакун) / Г.В. Быкова, Н.Л. Глазачева, Лу Чуньюэ; под науч.ред. И.А. Стернина. Благовещенск: БГПУ, 2012. 204 с.
7. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС, 2007. 737 с.